

**РОССИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ XX ВЕКА:
пленарное заседание Всероссийской научно-практической конференции
«Три измерения политической истории России:
идеология, политика, практики» (Москва, 29 марта 2023 года)¹**

Расшифровка аудиозаписи

Докладчики пленарного заседания

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, исполняющий обязанности председателя правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества».

Девятов Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Леонтьев Ярослав Викторович, доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры истории государственного и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Орлов Степан Владимирович, заместитель председателя Московской городской думы, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Рудаков Владимир Николаевич, кандидат филологических наук, главный редактор научно-популярного журнала «Историк».

Соловьев Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX веков» Института российской истории РАН.

¹ Аудиозапись расшифровали Ж. Ю. Московцева, М. Е. Набокина, Ю. Ю. Гребенщиков, Е. О. Куст, Р. И. Ильминев. Текст расшифрованной записи приводится в авторской редакции.

Модераторы дискуссии

Кириллов Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Малышева Ольга Геральдовна, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Гребенщиков Юрий Юрьевич, исполнительный директор Центра образования в сфере русского языка как иностранного и как неродного Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Презентация новых изданий

В. Н. Рудаков: Добрый день, дорогие друзья! 100-й выпуск журнала «Историк» посвящен юбилею ордена Святого Андрея Первозванного, который в этом году отмечает сразу две даты: 325 лет с момента создания Императорского ордена и 25 лет с момента восстановления ордена в современной России. Хочу рассказать о нескольких сюжетах, которые, мне кажется, будут интересны. Открывает номер текст про историю создания ордена, про то, как Петр I придумал это, и про то, как он адаптировал западноевропейскую наградную систему под российскую. Дальше замечательный текст Игоря Львовича Андреева, заведующего кафедрой отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Нам повезло, потому что мы попали в ту самую точку, в которую надо было попасть: почти никто не писал биографии первого кавалера ордена Святого Андрея Первозванного, ближнего боярина Федора Головина. Этого нет даже у выдающегося советского и российского историка Николая Ивановича Павленко. А Игорь Львович [Андреев] взялся за этот труд, провел очень серьезную исследовательскую работу. В результате получилась достаточно большая и очень интересная, я бы сказал, очень актуальная статья про дипломата, который, к сожалению, мало известен, но тем не менее очень много сделал для развития отношений и с Китаем, что сейчас очень актуально, и с западноевропейскими партнерами.

У нас есть интереснейшее интервью с ведущим научным сотрудником Государственного исторического музея Сергеем Левиным про идеологию русских императорских орденов, про то, кого награждали императорским орденом. Интрига состоит в том, что Российская империя половину орденов раздала иностранцам, а половину из розданных — соотечественникам, достались членам императорской семьи. Не демократическая такая история, но, в принципе, соответствующая духу эпохи.

Далее в журнале помещено интервью о современном ордене Андрея Первозванного с человеком, который долгие годы работал в Управлении президента России по государственным наградам — Равилем Шарифовичем Латыповым. Мы поговорили на разные темы, в том числе, сколько стоит изготовить государству один экземпляр ордена Святого Андрея Первозванного. Оказывается, себестоимость производства — 1 миллион 200 рублей, если без мечей, если с мечами — чуть дороже.

Следующий наш материал — интервью, которое мы взяли у Евгения Водолазкина, известного писателя, доктора филологических наук, научного сотрудника Пушкинского дома, про его учителя Дмитрия Сергеевича Лихачева, ставшего первым кавалером современного ордена Святого Андрея Первозванного. Интервью у Е. Водолазкина брала внучка Дмитрия Сергеевича — Зинаида Курбатова, корреспондент ВГТРК. Это ее личная история про то, как дедушка Дмитрий Сергеевич относился к государственным наградам, про то, как он однажды потерял звезду Героя Социалистического Труда и больше не нашел, но нашел выход из положения в течение суток. Читайте журнал «Историк»!

Закрывает эту тему номера колонка президента исторического факультета МГУ Сергея Павловича Карпова про орденскую историю. Но и дальше в этом номере у нас публикуются результаты всероссийского опроса, который журнал «Историк» в партнерстве с социумом провел на тему, как россияне воспринимают историю. Очень интересно!

Ну и дальше по случаю выхода сотого номера журнала «Историк» мы публикуем несколько знаковых и важных для нас поздравлений: председателя Государственной думы Вячеслава Викторовича Володина, Сергея Викторовича Лаврова, Николая Петровича Токарева (компания «Транснефть» нас активно поддерживает). В конце проанонсирую вам выставку, которая идет в Государственной публичной исторической библиотеке и посвящена журналу «Историк». Там, помимо выставки, есть такая приятная фишка: если вы туда придете и сделаете селфи, а затем подпишитесь на второе полугодие журнала «Историк», то получите в подарок наш специальный выпуск, который называется «Новейшая история России».

К сотому номеру журнала «Историк» мы подготовили особое издание, авторами которого являются здесь присутствующие коллеги: Руслан Григорьевич Гагкуев и Кирилл Андреевич Соловьев. Эта книга — биографический том о деятелях истории России с древнейших времен до наших дней, где мы собрали биографии более 250 деятелей российской истории, действительно, людей, оказавших значительное влияние на судьбу страны с момента зарождения государственности до наших дней. Это такой достаточно репрезентативный ряд совершенно разных людей. Мы понимали, что кто-то может увидеть в этом какую-то провокацию, ведь у нас здесь есть, скажем, и Варлам Шаламов, отсидевший на Колыме определенное количество лет, и Лаврентий Павлович Берия, который работал над атомным проектом, и Николай II, и Емельян Пугачев, и Александр Васильевич Суворов. Мы попытались собрать людей разных взглядов, разных мнений. Тут и Андрей Дмитриевич Сахаров, скажем, и Дмитрий Федорович Устинов. В общем, люди разных представлений, но тем не менее, как мы считаем и создавших Россию, в которой мы сейчас живем. Авторы у нас достаточно пристойные. Авторский коллектив включает в себя 30 человек. Это и писатель Юрий Поляков, и историк Рой Медведев, и Николай Васильевич Борисов из МГУ, и Николай Михайлович Долгополов из «Российской газеты», Игорь Львович Андреев, политолог Дмитрий Евстафьев, Антон Анатольевич Горский, Кирилл Андреевич Соловьев, Руслан Григорьевич Гагкуев и другие. Всего у нас шесть глав: «Истоки державы», «Создание империи», «Расцвет империи», «Рассыпанное царство» (это цитата из Василия Розанова про начало XX в.), «Советская сверхдержава» и «Новая Россия» (это уже период с девяносто первого года). Вот некоторые полосы. Это Борис и Глеб, это Петр Великий, это Александр Михайлович Горчаков, это Михаил Васильевич Нестеров. Это не энциклопедия, это — беллетризованная биография, может быть, даже эссе. Есть лента времени и иллюстрация,

относящаяся к конкретному человеку. Про XX в. я выбрал для презентации Высоцкого, но про XXI в. я выбрал Президента, о котором написал Рой Александрович Медведев — ветеран исторической биографии и популяризации истории в нашей стране. Очень интересен алфавитный указатель. Если по алфавитному указателю идти, какие получаются интересные подборки: Сперанский, Сталин, Станиславский, Столыпин, Суворов, Путин, Пушкин, Растрелли, Рахманинов, Репин, Пирогов, Плеханов, Плисецкая, Победоносцев, Пожарский. Вот такую штуку мы сделали к нашему сотому номеру. Спасибо вам всем!

Дискуссия пленарного заседания

В. В. Кириллов: Из приветственных выступлений мы плавно переходим в научную составляющую нашей конференции. Передаю слово для ведения научной части конференции доктору исторических наук, профессору Ольге Геральдовне Малышевой. Пожалуйста, Ольга Геральдовна!

О. Г. Малышева: Спасибо большое! Добрый день, уважаемые коллеги! Позвольте поблагодарить открывших нашу работу выступающих и отдельное спасибо Владимиру Николаевичу, который погрузил нас в историческое пространство, и плавно перейти к нашей дискуссии.

Проблематику выбрали следующую — «Россия перед вызовами XX века». Тема очень широкая и каждый из участников, наших уважаемых гостей, продумал примерную проблему, с которой он хотел бы сделать небольшую такую вводную и приглашаем весь зал к активному обсуждению, к вопросам, в том числе это относится и к тем, кто присутствует на нашей конференции дистанционно.

Мы попросили начать нашу дискуссию Руслана Григорьевича Гагкуева, доктора исторических наук, исполняющего обязанности председателя правления Российского исторического общества, исполнительного директора фонда «История Отечества». Пожалуйста, Руслан Григорьевич, Вам слово!

Р. Г. Гагкуев: Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Хотел бы поприветствовать всех участников сегодняшней конференции от Российского исторического общества. Мы довольно давно и активно взаимодействуем с Московским городским педагогическим университетом и в рамках нашего Московского отделения, о чем Степан Владимирович уже говорил, и напрямую, с его преподавателями, студентами. Я думаю, что наше плодотворное сотрудничество продолжится обязательно и в дальнейшем.

Тематика конференции, которая определена как «Три измерения политической истории России», показывает нам, насколько наше настоящее и наше будущее основаны на тех исторических событиях, которые происходили иногда недавно, а иногда уже очень давно. Насколько все это тесно увязано в единую нить и насколько важно понимать контекст исторических событий, их влияние на то, как развивается страна и весь мир.

Будучи прежде всего специалистом по истории Гражданской войны, размышлял, какая из тем может быть интересна для данной конференции, для обсуждения в ходе нашей сегодняшней дискуссии, и, на мой взгляд, один из таких главных вопросов, влияние которого на историю страны в настоящее время мы несколько

упускаем из виду, это интервенция. Я напомним, что в Советском Союзе, когда шел разговор о событиях 1917–1922 гг., как правило, всегда говорилось: «Гражданская война и иностранная военная интервенция». Значению интервенции уделялось очень большое внимание и это была едва ли не главная составляющая того гражданского противостояния, которое у нас было уже более 100 лет назад. Говорилось о трех комбинированных походах Антанты, об участии иностранных войск, о поставке вооружения, материальной помощи и так далее. То есть это была доминирующая оценка на протяжении фактически всего времени существования советской историографии.

Если мы посмотрим на современную российскую историографию, то тут другая крайность: значению интервенции уже продолжительный период не уделяется должного внимания. Ушел и сам термин «Гражданская война и иностранная военная интервенция». Если говорится о роли иностранных государств в Гражданской войне, то в большинстве случаев упоминаются союзники, некие союзные контингенты и т. п. Где же здесь правда и как собственно эти события связаны с текущим нашим днем, современностью, о чем мы говорили в самом начале.

Истина, как часто бывает, находится где-то посередине. Конечно, когда мы говорим об исходе Гражданской войны, с одной стороны, правы советские историки, говорившие о том, что роль иностранной интервенции была очень значима и очень велика, но тем не менее вмешательство вооруженных сил, участие иностранных войск непосредственно в столкновениях на передовой в противостоянии с Красной армией все-таки было достаточно ограниченным. Речь больше шла об материальном снабжении, о поставках вооружений.

Фронты Белого движения возникали на окраинах Российского государства. Они были бедны промышленной базой, материальной базой, и, конечно, без поставок из-за рубежа они вряд ли смогли бы противостоять Советской России. Поставки вооружения — это и винтовки, и артиллерия, и танки, и авиация, обмундирование, в которое, в общем-то, были одеты все армии на белых фронтах, материальная помощь. Все это приходило из-за рубежа и влияло на продолжительность того конфликта, который происходил внутри нашей страны. Поэтому, с одной стороны, нельзя недооценивать участие интервентов в этой войне, но и преувеличивать тоже нельзя, так как армии главных союзников по Антанте, а также Японии непосредственно в боевых столкновениях принимали участие, пожалуй, только на Северном фронте, который был даже не второстепенным, а, пожалуй, третьестепенным фронтом Гражданской войны.

И раз мы затронули тему иностранного участия, то здесь нельзя не сказать и о другой стороне. Советская власть хоть и не могла похвастаться союзом с иностранными государствами, но тем не менее использовала иностранную военную силу в лице иностранных граждан, которые по разным причинам оказались на территории России. Речь идет и о военнопленных, которые привлекались в качестве добровольцев или полудобровольцев в ряды Красной армии. Речь идет о многочисленных китайцах, которые участвовали в красных формированиях. Кстати, еще по оценке советских историков, которые были сделаны в 1950-е и 1960-е годы, речь шла не менее чем о пятидесяти тысяч участниках из китайских добровольцев в рядах Красной армии. Это отдельная большая тема, о которой можно долго говорить.

Хотел бы обратить внимание, что сейчас мы во многом наблюдаем параллели с теми событиями, которые происходили в нашем прошлом уже более чем 100 лет назад, и тем, что сейчас происходит на Украине. Конечно, конфликт имеет в существенной

степени элементы гражданской войны, о чем, насколько я помню, в своем выступлении говорил и наш президент Владимир Владимирович Путин. И в том и в другом случаях та материальная помощь, которая поступает из-за рубежа, она в существенной степени влияет на продолжение конфликта. И в том и другом случаях была и есть экономическая блокада вокруг Советской России и современной России, о которой, наверное, тоже не стоит забывать.

Все это, казалось бы, уже было в нашем прошлом и повторяется в некоем новом виде, и прямые параллели, наверное, не очень будут уместны, но в ряде случаев, как мне представляется, их вполне можно и нужно провести. Вот, наверное, то, о чем имеет смысл поговорить. Большое спасибо!

Ю. Ю. Гребенчиков: Уважаемый Руслан Григорьевич, вопрос от зрителей трансляции: как вы оцениваете сегодняшнее состояние изучения истории Гражданской войны в России?

Р. Г. Гагкуев: Спасибо. Историография Гражданской войны сейчас находится на том этапе, когда происходит осмысление событий Гражданской войны в целом. Долгое время на протяжении нескольких десятилетий существования российской историографии основное внимание уделялось изучению лагеря, который противостоял Советской России, противостоял большевикам. Это было вполне понятно, потому что в советское время выходило огромное количество работ по самым разным аспектам истории Советского государства и истории Красной армии. Когда появилась возможность проводить исследования противостоящего им лагеря, это захватило многих историков, в том числе и меня, и моих коллег. Основное внимание уделялось именно изучению противостоящих Советской России сил, в основном Белого движения, но не только. Сейчас, как мне представляется, тот объем накопленных знаний, проведенных исследований подводит нас к тому, что будут появляться все-таки работы, которые охватывают виденье в целом тех событий, которые происходили в стране с 1917 по 1922 г. Важной вехой станет тот двухтомник по истории Гражданской войны, подготовка которого практически уже завершена в рамках работы Института российской истории Академии наук над двадцатитомной историей России. Вот один из томов в двух книгах как раз будет посвящен Гражданской войне, и он уже в ближайшее время отправится на редакционную подготовку в издательство «Наука» с тем, чтобы в будущем году увидеть свет. Обязательно проведем его презентацию и подробно о нем расскажем. Я знаю, что и присутствующие в этом зале тоже участвовали в его подготовке.

Что касается даты начала Гражданской войны, об этом, наверное, можно отдельную лекцию прочитать, при необходимости конечно. Скажу лишь кратко, что среди историков едва ли будет когда-то достигнут консенсус, что будет названа некая точка, некая дата, с которой начинается Гражданская война, а до этого вот была революция. Я все-таки склоняюсь к той точке зрения, с теми коллегами солидаризируюсь, которые считают, что революция и гражданская война — это единый процесс. И отгородить каким-то образом, провести некий рубеж, когда было одно, а когда началось другое, в общем-то, невозможно, да, наверное, и не нужно. Боевые действия по факту начались с осени 1917 г., шли далее по нарастающей, хотя, в общем-то, были, конечно же, очаговые. А полномасштабная гражданская война, здесь я думаю, что это оценка, которая давалась еще в советской историографии, весна – лето 1918 г. — вполне верна.

О. Г. Малышева: Спасибо. Вопрос из зала. Просьба представляться.

Михаил Михайлович Юспа (аспирант Республиканского института высшей школы, Минск, Республика Беларусь): Добрый день, уважаемые коллеги! Добрый день, Руслан Григорьевич!

Как вы отметили, сегодняшняя специальная военная операция — это такая форма гражданской войны между двумя частями большого русского народа. Соответственно, украинская армия является в том числе тоже правопреемницей русской армии. Мы видим, как сегодняшние принципы ведения войны со стороны Российской Федерации резко контрастируют с принципами, которые используются украинской армией с точки зрения человечности, справедливости, защиты мирного населения. Как вы считаете, когда шла Гражданская война, когда было два противоборствующих лагеря, у которых морально-этические принципы ведения войны не всегда соответствовали друг другу... Не кажется ли Вам, что именно в Гражданскую войну мы видели такую же ситуацию морально-этического дисбаланса ведения боевых действий. И как Вы считаете, повлияло ли это в дальнейшем на формирование семантического капитала современной русской армии? Спасибо.

Р. Г. Гагкуев: Спасибо. Интересный вопрос. Попробую на него все-таки ответить, хотя, наверное, это будет непросто. Но, прежде всего, я не считаю украинские вооруженные силы наследницей русской армии. Возможно, вы находите какие-то символические для этого основы, но, с моей точки зрения, сам по себе тезис неправомерен, особенно учитывая, что параллели проводят украинские вооруженные силы с теми формированиями, которые создавались в 1917–1918 гг., и едва ли здесь может быть найдена какая-то правопреемственность. Потому что, хотя украинские вооруженные силы времен народной республики и украинской державы создавались на руинах русской армии, тем не менее их преемственность, с моей точки зрения, весьма сомнительна.

Если же говорить о Гражданской войне, вы знаете, это очень такая сложная тема. Здесь есть риск всегда скатиться к обсуждению, у кого было больше жертв, с чьей со стороны террор был более жесток, и так далее. Тема, которая едва ли, по крайней мере на данном этапе развития нашего общества, может найти какой-то определенный консенсус.

Я бы обратил внимание на другое обстоятельство — гражданская война, хотя, казалось бы, она по своим масштабам гораздо менее значима, чем Первая мировая война и количество жертв непосредственно в боевых действиях было меньше, тем не менее мы до сих пор помним о том, насколько она была жестокой. То противостояние, которое было между согражданами, протекало очень и очень ожесточенно с обеих сторон. Случаи террора, что со стороны красных, что со стороны белых, в воспоминаниях упоминаются достаточно часто. Но вместе с тем, конечно, если говорить о терроре, который проводился Советской властью, он был, безусловно, более системен. Это была некая системная политика, осуществлявшаяся вполне осознанно, в то время, как то, что происходило на белых фронтах, зачастую было сиюминутно и как реакция на определенные события, хотя и не менее жестоко и не менее трагично для всей страны.

С точки зрения выработки, как вы говорите, основы или багажа Красной армии, с одной стороны, преемственности русской армии формально не было вовсе. Абсолютно новая армия, которая начинала формироваться, по сути, с чистого листа. Но, с другой

стороны, в ее формировании участвовало русское офицерство. Здесь, прежде всего, можно сослаться на последние исследования, которые по этой теме проводил Андрей Владиславович Ганин. Не знаю, насколько ответил на ваш вопрос, но постарался.

О. Г. Малышева: Спасибо, Руслан Григорьевич.

Слово предоставляется Соловьеву Кириллу Андреевичу, доктору исторических наук, профессору школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ Высшей школы экономики, главному научному сотруднику центра «История России XIX – начала XX века» Института российской истории Академии наук. Пожалуйста, Кирилл Андреевич, Вам слово.

К. А. Соловьев: Большое спасибо организаторам за возможность выступить и возможность поучаствовать в интересной дискуссии.

XX в., о котором мы сегодня с вами говорим, — очень разный. Как будто бы мало общего между началом XX в. и его концом. Но есть нечто, что объединяет столь разные эпохи. Это было «как будто бы давно, но при этом остается очень близким». Всякая дискуссия, посвященная началу XX в., до сих пор вызывает ожесточенные споры — настолько, что возникает ощущение что речь идет о днях если не вчерашних, то позавчерашних.

В той презентации, которую предложил Владимир Николаевич [Рудаков] в связи с книгой, которая вскоре должна выйти, период, которым я специально занимаюсь, назван «рассыпанным царством». Красивая формула, как и многое, что вышло из-под пера Василия Васильевича Розанова, но как всякая красивая формула, она не очень точна. Что-то оказывается в тени, что-то, наоборот, излишне выпячивается.

Да, безусловно, начало XX в. — это очень бурная эпоха, связанная не только с успехами, но и с очевидными трудностями, кризисом, периодом турбулентности. Но мне важно подчеркнуть следующее — это время невероятной динамики. Динамики роста во всем: в области культуры, экономики, социальных отношений. И в общественной жизни, о которой я сейчас скажу немного подробнее.

Когда передо мной была поставлена задача обозначить ключевые проблемы, которые стояли перед Россией начала XX в., я несколько растерялся. Важных проблем много. По большому счету все они важны в той или иной степени. Они сказываются и на нас. В этом смысле готов совершенно согласиться с Русланом Григорьевичем [Гаккуевым]. История — это мы, потому что мы ее постоянно переживаем и ощущаем даже тогда, когда ее и не знаем. Но я решил остановиться на той проблеме, о которой говорят реже, что явно несправедливо. Это проблема общественного движения начала XX в.

Казалось бы, очень простой и ясный сюжет, ни у кого не вызывающий особых вопросов. Сколько вышло книг, посвященных общественному движению? Великое множество, и выйдет еще больше. Сколько вышло статей? Еще больше, чем монографией. В конце концов, в любом учебнике обязательно есть параграфы, посвященные общественному движению, и как будто не возникает вопросов, о чем идет речь, а, на мой взгляд, это не вполне оправданно.

Дело в том, что если бы мы задались целью перевести словосочетание «общественные движения» на любой современный европейский язык, то, мне кажется, возникли бы проблемы. Общественные движения — не политическое, не социальное, не публичное движение. Как объяснить в таком случае, о чем идет речь?

Чтобы в этом разобраться, необходимо провести «археологическую экспедицию» в области понятий и выяснить, когда это словосочетание возникло. Я буду излагать свою гипотезу, но пока я не нашел ей опровержения.

Мне представляется, что «общественное движение» — это словосочетание, которое вышло из-под пера Александра Николаевича Пыпина, как и много другого в истории общественной мысли. У него оно возникло путем удивительного скрещения. Он долгое время писал об общественных течениях и литературных движениях. В тот момент, когда он приступил к характеристике эпохи Александра I, у него два этих понятия скрестились. Почему это любопытно и важно? Потому что это демонстрирует неразрывную связь применительно к XIX – началу XX в. литературного и общественного процесса. Тогда, когда вокруг журналов складываются движения. Когда литератор — это не просто беллетрист. Когда литературный кружок — это не просто кружок, обсуждающий литературный текст, это нечто существенно большее. Очень характерны слова из переписки Ленина и Плеханова, когда Ленин говорит о необходимости создания литературной группы. По сути дела, речь идет о партийном строительстве. Это как раз подчеркивает специфику общественного движения начала XX в. Это что-то на грани политического и неполитического, легального и нелегального.

Общественное движение во многом объясняет характер политического процесса периода Первой революции 1905–1906 гг. Все можно перевести в цифры, подсчитать. Всякий подсчет будет очень условен, неточен. Для начала нужно определиться с «обществом». Я думаю, не нужно объяснять этой просвещенной аудитории, что когда говорилось об обществе начала XX в., то имелся в виду отнюдь не социум, не вся совокупность поданных Российской империи, а то, что с очень высокой долей условности можно назвать образованным меньшинством. Словосочетание неудачное, потому что речь идет не столько об образованности, сколько об активной общественной позиции. Сколько можно причислить к такому обществу применительно к началу XX века?

Историография спорит об этом сейчас, спорить будет и завтра. Это совершенно неизбежно. Называются очень разные цифры. От Лютца Хефнера, который считает, что российское общество — это 1,5–3 % от населения, до Бориса Николаевича Миронова, который полагает, что на определенном этапе — до 10 %, а уже после 1905–1906 гг. — 16 % населения Российской империи. Но при всем при том речь идет о меньшинстве, правда, очень весомом меньшинстве, численность которого исчисляется шестизначными цифрами. Но в этом «обществе» общественное движение — это крайне незначительный сегмент. Применительно к 1904 г., при всех возможных натяжках, можно насчитать несколько десятков тысяч человек на всю Российскую империю. Это будет уже довольно много. Да, эта цифра будет заметно расти в период революции в 1905–1906 гг., в 1917 г., но примечательно что между 1905–1906 и 1917 гг. общественное движение ждет провал, количественный в том числе.

Масштаб явления лучше не рассчитать, а прочувствовать. Я приведу следующую, на мой взгляд, весьма красноречивую информацию. Наталья Михайловна Пирумова подсчитала участников земского движения. В 1905 г. в земском движении приняло участие до 300 человек. Они все пересчитаны, можно назвать их поименно, это не так сложно. Это приблизительно из 13 тысяч земцев. Но возникает в таком случае вопрос: а может быть, и не стоит тогда изучать общественное движение, раз оно столь малочисленно? На мой взгляд, ответ прямо противоположный. Стоит.

Именно потому и поразительно его значение, что формальные характеристики мало что дают для понимания этого явления.

Я бы выделил три проблемы. Первая проблема — структурированности общественного движения. Опять же, не вдаваясь в детали, может быть, несколько упрощая, я бы сформулировал проблему следующим образом. Общественное движение в России на начало XX в. структурировалось вокруг трех институтов: печать, университеты, земства. Значение печати не вызывает больших вопросов. С университетами и земствами дело обстоит сложнее. И для одной, и для другой структуры характерна своего рода бинарность. Речь идет о студентах и профессорах в университетах, земцах и земских служащих в органах самоуправления. Они выполняют разные ролевые функции, принадлежат к разным социальным средам. У них разный социальный опыт. У них, в конце концов, разные политические симпатии. Земцы в значительной мере будущие октябристы. Земские служащие — это та среда, из которой будут формироваться будущие леворадикальные организации, преимущественно неонароднического свойства. Профессура в огромной своей части будет симпатизировать конституционно-демократической партии. Студенчество заметно более радикально и, судя по переписям, которые имели место уже после Первой русской революции, речь идет о распределении симпатии между социал-демократами и эсерами. Влияние кадетов не столь существенно. На полюсах бинарных конструкций есть разногласия, а с другой стороны, есть внутреннее единство, о котором абсолютно оправданно пишется в современной историографии: например, об университете как единой семье, которая объединяет и профессоров, и студентов; о земстве, где земцы чувствуют свою ответственность за так называемый третий элемент — за земских служащих. Это неоднородная среда, которая в то же самое время по-своему монолитна, что позволяло общественному движению восполнять кадры в условиях Первой русской революции. Взрывообразный рост в огромной степени этим и объясняется. Общественное движение и благодаря университетской кафедре, и благодаря печатному слову, и благодаря, в том числе активности земских учреждений, которые могли доносить свои решения с помощью газет и журналов, участвовало в формировании смыслов, на которые так или иначе реагировали все, включая и бюрократические канцелярии.

Третье, на мой взгляд, самое важное, — очень сложно развести российское общество и российскую власть. Мы видим сходящиеся явления. Лица «по разные стороны баррикад» тем не менее принадлежали к примерно одному социальному кругу, читали одни газеты и журналы. Они признавали общую проблематику и чаще всего были готовы реагировать на нее схожим образом. На самом деле в земстве участвовали в том числе представители и высшей бюрократии, и гвардейского корпуса. Они могли относиться к друг другу по-разному, иногда с высокомерием, но тем не менее эта площадка оказывалась точкой схождения очень разных сил. С другой стороны, вполне очевидно, что в университете преподавали будущие министры, и чаще всего учились будущие министры. Эта та среда, из которой формировалась управленческая элита Российской империи.

Близость одной и другой социальной группы говорит о том, что вопрос общественного движения, а потом партийного строительства — это в том числе проблема раскола элит, о которой обычно говорят в связи с революциями вообще и Первой русской революции в частности. Именно поэтому данный сюжет в условиях «рассыпанного царства» начала XX в. приобретает особую актуальность. Спасибо.

О. Г. Малышева: Спасибо за очень интересную постановку проблемы. Пожалуйста, вопросы к нашему уважаемому докладчику. Пожалуйста, Степан Владимирович.

С. В. Орлов: Кирилл Андреевич, Вы говорили о таких центрах кристаллизации о общественных течений общественных движений: литературные журналы, университеты и земства. Почему Вы не упоминаете городские думы, в частности Московскую городскую думу, Санкт-Петербургскую городскую думу?

К. А. Соловьев: Нет, совершенно не собираюсь обижать городское самоуправление, но все-таки нужно понимать, что удельный вес и значение земских учреждений было выше и возможностей было больше. Все-таки земства мобилизовывали представители поземельной аристократии. Земство — это, прежде всего, конечно, активные землевладельцы. Но, конечно, городское самоуправление тоже в этом процессе участвует!

С. В. Орлов: Сколько общественных деятелей прошло через школу гласных Московской городской думы.

К. А. Соловьев: Проблему можно сформулировать шире: участие органов самоуправления, с некоторым преимуществом земских учреждений.

Я. В. Леонтьев: Спасибо. Кирилл Андреевич, сейчас формула такая появилась, как «контрэлита». Вот можно ли все, о чем Вы говорили, объединить этой формулой? И второй вопрос: насколько все-таки эти властители дум — контрэлита — могли прийти? Мог ли осуществиться транзит оппозиции во власть или возможен был только путь революционных преобразований в начале XX в.?

К. А. Соловьев: Спасибо большое. Но вопросов как будто бы два. На самом деле их больше, и о каждом можно говорить специально. Мне кажется, что применительно к тем группам, о которых я говорил, отчасти можно использовать понятие «контрэлита». В большинстве же случаев можно просто говорить об «элите». Иван Логгинович Горемыкин — министр внутренних дел — представитель бюрократической элиты? Несомненно. Вместе с тем он активный участник земских учреждений в родной Новгородской губернии. Одно от другого никак не отделить. Это яркий пример, но далеко не единственный. Участники земского движения — в огромной степени те, кто формирует повестку в печатных органах, те, кто принадлежат к управленческой элите Российской империи или теснейшим образом с ней связаны.

Мой любимый кружок «Беседа», которым я специально занимался. Кто это такие? Это представители княжеских семейств, представители высшей российской аристократии, чаще всего обладающие большим материальным состоянием, большими связями при дворе, активно этим пользующиеся. Павел Сергеевич Шереметев — один из создателей кружка «Беседа» — был другом детства Николая Александровича, Николая II. Этим ресурсом он пользуется в том числе, чтобы получать информацию о том, что происходит в самых высших средах. Потом через него эта информация оказывается уже у будущих «освобожденных». Возникает вопрос: Шереметев — кто он? Он представитель той элиты, того общества, которое рассчитывало участвовать в формировании политического курса.

Частью этого общества были фрондировавшие сановники. Я бы сказал, более того, если не разбираться в том, как себя ведет бюрократия в условиях Первой русской революции, то понять логику процессов на тот момент сложно. Бюрократия тоже активный участник, и причем не на стороне текущего на тот момент политического режима. Бюрократия — это тоже общественность.

Иными словами, часть общественности — это контрэлита. Но сама общественность возникла на расколе элит. Это фактор предстоявшей революции, к которой Россия уверенно шла с 1881 г. В этом смысле мне кажется очень удачной формула, которую в свое время предложил Федор Александрович Гайда: события 1905–1906 гг. заметно более укоренены в российской истории, чем события поздние, 1917 г. То, что будет в пятом – шестом году, то, к чему Россия шла в течение предыдущих нескольких десятков лет. Очень трудно было эту развилку пройти иначе, нежели путем революции.

Совершенно необязательно, чтобы это случилось бы в пятом году или в четвертом, а не в шестом, седьмом... Это не имеет принципиального значения. Политическая же встряска была неизбежна.

Ю. Ю. Гребенщиков: Уважаемый Кирилл Андреевич, вопрос от зрителей трансляции: как Вы полагаете, какие аспекты истории общественно-политических движений на сегодняшний день наименее исследованы? Есть ли белые пятна в этой теме?

К. А. Соловьев: Я полагаю, что в основном-то белые пятна и есть. Можно и так ответить. Но с чего бы я начал ликвидацию белых пятен — это с той проблемы, которую я обозначил в самом начале: нужно определиться с понятийным аппаратом. Причем понятийным аппаратом, которым мы пользуемся и, главное, которым пользовались участники тех событий. Вот если иметь это в качестве отправной точки, то тогда любое исследование станет в чем-то проще.

Ярослав Александрович Мишенков (магистрант Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия): То, что все предреволюционные события в истории России начала XX в. являлись противостоянием правящей элиты и контрэлиты, как раз подтверждает достоверность теории классической классических политических элит итальянских политических деятелей: В. Парето, Р. Михельса и Г. Моски. То, о чем они говорили и писали, как раз это и подтвердилось в истории России начала XX в.

К. А. Соловьев: Спасибо большое, но понимаете, в чем дело: короткий вопрос не обязательно предполагает короткий ответ. Если попытаться очень коротко ответить: тут вот в чем проблема. Определения политической элиты, которые предлагали Г. Моска и В. Парето, очень разные. Авторы формально сходятся, движутся в общем направлении, но решают проблему по-своему. Мы чаще всего (и я сегодня) используем понятие «политическая элита». Оно восходит как раз к работам Вильфредо Парето. Но применительно к тому периоду, о котором мы с вами говорим, политический класс, о котором писал Г. Моска, лучше подходит. Термин «политические класс» предполагает более расширительную трактовку политического участия. Я отвечаю по возможности кратко, чтобы просто не злоупотреблять вниманием аудитории. Однако важно отметить, что

те итальянские и немецкие авторы, на которых Вы ссылаетесь, не имели одного ответа. Разные проблемы решались по-разному в разных странах. Это относится и к России, где политическая жизнь протекала по-своему. Тут нужен корректный перевод для того, чтобы точнее обозначить проблемы, о которых мы с вами говорим.

О. Г. Малышева: Большое спасибо, Кирилл Андреевич! Движемся дальше. Слово предоставляется Степану Владимировичу Орлову.

С. В. Орлов: Спасибо. Мы говорим о вызовах, которые стояли перед Россией, перед Советским Союзом в XX в. Уже обсуждали и Гражданскую войну, и общественное движение, течения начала века. Я предлагаю перенестись во вторую половину XX в. Во все времена историки, философы, политологи, правоведы пытались как-то определить: на какой стадии развития находится цивилизация, человечество, страна, культура. Использовались самые разные термины, это, наверное, тоже важно. И во второй половине XX в., в послевоенный период, начинается активное обсуждение вопросов перехода от индустриального общества к обществу информационному. Начали неожиданно активно развиваться информационные технологии во всех областях, и встает вопрос: что же такое информационное общество и переходим ли мы к нему? И когда, в какие сроки?

Изобретение самого термина «информационное общество» приписывается профессору токийского теологического института Юдзиро Хаяси. Он обрисовал эти контуры в своих докладах, которые направлял в японское правительство в 60-х – начале 70-х гг. Не буду обосновывать его концепцию. На другом континенте в 1973 г. известный американский философ социолог Дэниэл Белл публикует свою работу «Грядущее постиндустриальное общество», в которой обосновывает тезис о том, что постиндустриальное общество — это общество информационное. Именно в него переходят уже страны Америки, Европы и Дальнего Востока. Но, на самом деле, схожие процессы и в технологиях, и в осмысления этих технологий, в философской мысли — эти же процессы идут и в Советском Союзе. В Советском Союзе после войны начинают активно развиваться информационные технологии, развивается математика, развивается кибернетика. Ну, в частности, 4 декабря 1948 г. Государственный комитет Совмина СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство выдает авторское действие на изобретение автоматической цифровой вычислительной машины. Это первый официально зарегистрированный документ, касающийся развития информационных технологий и вычислительной техники в нашей стране. Работа по осмыслению этих процессов в основном идет в недрах математической и кибернетической наук, в ведущих технических вузах, в академических институтах. И здесь я не могу не назвать такую фигуру, как академик Глушков. Он был инициатором, идеологом разработки создания общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации, так называемой ОГАС. К сожалению, этот проект не был поддержан руководством страны. Хотя, я думаю, что эффект был бы колоссальный. Ну, как минимум, для экономики Советского Союза. Но Глушков был не только прикладным ученым, математиком, кибернетиком, он пытался осмыслить влияние информационных технологий на культуру, на общество. И предвидение будущего академика Глушкова просто поражает. Еще в начале восьмидесятых годов он описывал недалекое будущее. Просто процитирую, коллеги: «Недалек тот день,

когда исчезнут обычные книги, газеты и журналы. Каждый человек будет носить с собой электронный блокнот — комбинацию плоского дисплея с миниатюрным радиоприемопередатчиком. Набирая на клавиатуре этого блокнота нужный код, можно, находясь в любом месте на планете, вызвать из гигантских компьютерных баз данных тексты, изображения, которые и заменят не только книги, журналы и газеты, но и телевизоры». Это начало восьмидесятых годов!

Но не только в классической академической науке шло осмысление перехода Советского Союза к стадии информационного общества. Хотя, безусловно, таких терминов тогда не использовалось, это было бы таким абсолютно, наверное, антиправительственным заявлением. Мы все строили коммунизм, который должны были построить в ближайшее время. Ну и в диссидентском движении идет обсуждение схожих проблем. Здесь, конечно, нужно вспомнить фигуру академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Он в 1974 г. в своей статье «Мир через полвека», подготовленной для американского журнала *Saturday Review*, писал, что в будущем «особенную роль будет играть прогресс в области связи и информационной службы. Одним из первых этапов этого прогресса представляется создание единой всемирной телефонной и видеотелефонной системы связи. В перспективе, предполагаю создание всемирной информационной системы — он ее называл ВИС, — которая и сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки».

Таким образом, с одной стороны, классическая научная мысль, с другой стороны, диссидентское движение. И, если мы посмотрим на события перестройки, на события 1990–1991 гг., мы увидим, что в органах власти и Советского Союза, и уже Российской Федерации, в Моссовете и в Ленсовете, как раз и оказываются представители, с одной стороны, научно-технической интеллигенции, преемники, в том числе и Глушкова, и Лебедева; и, с другой стороны, представители диссидентского движения.

Таким образом, идеи информационного общества и переходы к информационному обществу, они, в принципе, находятся в центре, так можно сказать, дискуссии, которая ведется и в первых созывах Государственной думы, и на сессиях Моссовета, на первых сессиях уже Московский городской думы, обновленной, которая создается в 1993 г. И, в принципе, это приводит к тому, что уже в 1995 г. принимается Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации». Очень активно идет уже нормативно-правовое осмысление перехода к информационному обществу на уровне регионов. И, в частности, здесь Москва, наверное, опережает федеральные органы власти. И уже в 2001 г., скажем так вот, закрывая историю XX в., в Москве принимается концепция движения Москвы к информационному обществу.

А сейчас уже, наверное, мы все признаем, что мы находимся именно в стадии информационного общества. Хотя процесс и философского, и политологического, и социологического осмысления вот этой стадии, он еще идет. И, безусловно, нам необходимо использовать инструментарий исторической науки, для того чтобы, понимать, как эти процессы шли и в Советском Союзе, и в раннем периоде развития уже новой, современной Российской Федерации. Спасибо!

О. Г. Малышева: Спасибо большое, Степан Владимирович! Ваше выступление вызвало интерес у нашей аудитории, поступили вопросы, пожалуйста.

Ю. Ю. Гребенщиков: Уважаемый Степан Владимирович! Вопрос из ютуба: какой самый яркий прорыв был в советское время с точки зрения информационных технологий?

С. В. Орлов: Считаю, что главным прорывом для меня как для историка стало самое начало развития информационных технологий. Потому что еще в 1940-е годы, сразу после войны в советском Киеве великий ученый Сергей Алексеевич Лебедев начинает разрабатывать первые электронно-вычислительные машины. И в тот период, я считаю, что мы абсолютно шли в общем технологическом процессе, ни в коей мере не отставая от наших европейских, американских или японских коллег.

Ю. Ю. Гребенщиков: Спасибо! Второй вопрос из сети: в чем вы видите проблемы для развития компьютерных технологий в России?

С. В. Орлов: Здесь я соглашусь с Кириллом Андреевичем: на такой вопрос можно отвечать часами. Тем более с привлечением ученых, относящихся к самым разным сферам знания.

Я считаю, что компьютерные технологии в России развиваются очень активно. Нам необходимо, безусловно, учитывать тот опыт, который уже накоплен, потому что в какие-то периоды мы все-таки немножечко отставали здесь и от стран Азии, и от стран Европы и Америки. Активно использовать тот опыт, который накоплен для того, чтобы мы могли воспользоваться так называемым эффектом стадиона, когда вроде бы отстающий на каком-то этапе становится уже первым, потому что у него есть возможность использовать тот опыт, который уже есть, и перескакивать какие-то стадии развития.

О. Г. Малышева: Спасибо, Степан Владимирович, мы движемся дальше по регламенту, если нет возражений. Слово предоставляется Сергею Викторовичу Девятову, доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

С. В. Девятов: Спасибо большое. Мне радостно находиться здесь. Многие годы я был тесно связан с этим замечательным университетом: я здесь преподавал.

Уважаемые друзья, коллеги! Я хочу рассказать о уже историческом моменте, об исторической дате, которая у нас достаточно подзабыта. Дело в том, что существовала такая дата — 25 декабря 1991 г. То есть это уже прошел путч, уже существует реальное двоевластие в стране: власть союзная и власть российская. И вот дата, которая абсолютно незаслуженно забыта, она как-то никогда особо не отмечается. А, на самом деле, чрезвычайно любопытный момент.

Начинался этот день достаточно спокойно. Заседает Съезд народных депутатов РСФСР. Но неожиданно в качестве дополнительного на заседание съезда выносятся вопросы о том, что название РСФСР для России уже неактуально. Ну, тогда все события происходили практически мгновенно. Съезд ставит вопрос на голосование. Подготовительных материалов к этому вопросу не было вообще никаких. И съезд голосует. То есть с 25 числа существует такое государство, как Российская Федерация. Не знаю,

почему этот момент не отмечается у нас. Дальше съезд принимает многочисленные решения о государственных премиях РСФСР, то есть готовилось все просто, вот «с колес», все документы подписывались еще с аббревиатурой РСФСР.

Борис Николаевич выступает на съезде. Это происходит в Белом доме, а в Кремле происходит иной процесс: приезжает Михаил Сергеевич Горбачев. Днем раньше — 24 числа — они 9 часов общались с Борисом Николаевичем, но о чем они говорили в тот момент, никто не знал. Приезжает Горбачев, собирает ближайших соратников и заявляет, что он сегодня уходит из власти, отказывается от поста президента, отказывается от поста председателя Совета обороны страны. И вызывает прессу. Пресса получает его комментарий по этому поводу около двух часов дня, сразу возникает множество вопросов: а судьба СССР? Что такое СССР после ухода Горбачева? Горбачев поясняет, что он распускает и Советский Союз. Я не знаю, насколько это юридически корректно выверено и так далее. Я просто не юрист. Но, во всяком случае, появляется именно такая вот точка зрения. Что будет вместо СССР — никто не знает.

В середине дня в Кремль приезжает Борис Николаевич. А надо сказать, что Кремль в этот момент, так же как и вся страна, имел ситуацию двоевластия. То, что Кремль — это резиденция Горбачева, понятно. В первом корпусе на третьем этаже у него кабинет — все очень хорошо.

Но, когда победил Ельцин, потерпел поражение ГКЧП, в Кремле организовали кабинеты для Бориса Николаевича Ельцина. Соседний, четырнадцатый административный корпус, 4-й этаж, с видом на Москву-реку, на Тайницкий сад кремлевский. Хороший вид.

Борис Николаевич приезжает. Понять, что происходило в этот момент сложно, но именно из Кремля он звонит человеку, которого по инерции называют министром обороны, — это маршал Евгений Иванович Шапошников. Который формально министром обороны стал в феврале следующего года, 1992-го. И объясняет, что Евгений Иванович должен приехать и забрать у Горбачева ядерный чемоданчик. Понятно, что этот вопрос явно обсуждался 24 числа. Как происходит передача высшего символа военно-политической власти? Никому прописать в голову не пришлось. Ну, маршал Шапошников говорит: «Борис Николаевич, может, вы как-то вот по дружбе зайдете и заберете? Ну, так вот». Судя по воспоминаниям, кстати их надо будет опубликовать, маршала Шапошникова, видимо, договоренность была, что они вдвоем зайдут к Горбачеву и произойдет это событие. Борис Николаевич отказывается, говорит: ты заберешь. Я еще раз говорю: у Шапошникова нет полномочий, у него, кроме больших маршальских звезд на плечах, никаких полномочий реально не существует.

Очень любопытно: пресса. Ну, Горбачев общается с Гостелерадио, то есть понятно, советское теле-/радио, CNN. У Бориса Николаевича только CNN. Объявляется, что, видимо, прекратится существование Советского Союза, ждите объявления, ждите чего-то.

Шесть часов вечера. Горбачев официально под камеры подписывает указы о своем низложении, уходе, о прекращении существования СССР, о прекращении существования Совета обороны. После чего советская пресса уходит, а он начинает уже в качестве частного лица давать огромное интервью CNN. Этот момент прерывается тем, что приезжает Шапошников. Ну, я могу сказать, что вот пройти от кабинета Ельцина в кабинет Горбачева — это (там был тогда подземный проход) ну, метров 220–250,

то есть это, в общем, расстояние такое символическое, ну, 300 будем считать. Приезжает Шапошников. Пытаются понять, где будет передача. Шапошников не хочет, чтобы передавалось в кабинете Горбачева, выходит в приемную. Туда же вызывают офицера 9 отдела спецуправления Генштаба, это офицер, который находится при ядерном чемоданчике постоянно. Ну тогда просто так назывался: 9-й отдел. Подписывается документ о передаче. Ну, я могу сказать историческое событие: три строчки, две подписи и потом, видимо, секретари уже расшифровали, кто что подписал. Вообще потрясающий день. Все происходит в один и тот же день. Соответственно, маршал едет, не идет, к Борису Николаевичу, передает ядерный чемоданчик, ну, формально передает, потому что все равно с этим ядерным чемоданчиком конкретные сотрудники Министерства обороны.

Борис Николаевич уезжает из Кремля в Белый дом. Горбачев дает свое первое интервью в качестве частного лица. Все выдыхают и спокойно разъезжаются по домам.

А в 19 часов из Белого дома, из аппарата руководителя администрации президента уже Российской Федерации, идет звонок в Кремль с вопросом:

— А у вас на Кремле, на куполе здания Сената, какой флаг?

Логично, товарищи отвечают:

— Красный.

— Так у нас Советского Союза-то не существует!

Говорят, мы вот подумали на эту тему и выпустили распоряжение номер 190. Распоряжением руководителя администрации президента РСФСР — Юрий Владимирович Петров подписал, — кстати, не опубликовано до сих пор это распоряжение и в электронном виде его нет. Вот, давайте!

Я говорю: время уже 19 с копейками. Никого нет в Кремле. Есть дежурные службы, хозяйственные, комендатура Кремля, все остальные уже отдыхают, отмечают что-то. Ну, в Кремле логично говорят, что, мол, дорогие друзья мы готовы, но нам бы бумажку и флага у нас нет российского, флага — триколора — нет.

Срочно посылают машину в Белый дом. В Белом доме берут флаг, который готовился развеяться над Белым домом. Ну, всегда таких флагов где-то порядка 10 штук, то есть они постоянно ротируют: какие-то выходят из строя, какие-то уходят в химчистку. Ну, в общем, флаг привозят. Пытаются понять: можно ли поднять — ну, система крепления флага — можно ли поднять флаг на флагшток. Выясняется, что можно. А дальше, в 19:35 спускается красный флаг, последний раз спускается с купола кремлевского Сената. В 19:45, через 11 минут, поднимается российский триколор. У нас достаточно большие лакуны по документам по тому периоду. Надо сказать, что время было практически революционное, поэтому года до 1997 пробелы очень серьезные в документальных моментах. Но вот здесь сохранился уникальный совершенно документ — это расписка, если быть точным, акт о подъеме флага, ну, о снятии флага СССР и подъеме флага Российской Федерации, написанные от руки. Машинисток не было, они уже отдыхали. Написанный от руки и подписанный семью людьми, ну, видимо, всех, кого собрали, кто просто был в тот момент в Кремле. Это тогдашний комендант Кремля, тогда еще полковник Барсуков, это полковник Крапивин — комендант комендатуры резиденции президента СССР и президента РСФСР, это Виктор Егорович Савченко — в будущем он станет замуправделами Президента, тогда он был начальником хозяйственного управления Белого дома, и четыре технических исполнителя. Вот такой уникальный акт есть. Надо сказать, что меня всегда очень мучил вопрос: почему вот это неизвестно? Но вот Владимир Николаевич Рудаков все-таки

материал этого уникального дня опубликовал в замечательном журнале «Историк». Огромная благодарность!

Не мог не рассказать, потому что абсолютно переломный, абсолютно забытый элемент истории. Для нас это наша современность, для большинства сидящих здесь это, конечно, уже в чистом виде история.

О. Г. Малышева: Спасибо большое, Сергей Викторович. Мы затаив дыхание слушали этот интереснейший рассказ, абсолютно уникальный, который относится к еще одному вызову, с которым столкнулись мы, страна, общество в конце ушедшего столетия. В Ваш адрес поступили вопросы. Я думаю, что самое интересное мы озвучим. Пожалуйста!

Ю. Ю. Гребенщиков: Уважаемый Сергей Викторович! Вопрос для Вас из чата нашей трансляции: возможно ли было в начале 1990-х установить федеративную систему устройства в России по типу штатов в США со своим законодательством и дать субъектам РФ большую самостоятельность?

С. В. Девятков: У нас существовала союзная система, которая давала отчетливо больше прав субъектам Федерации, и союзная система, которая тогда и существовала, во многом породила проблемы с распадом Советского Союза. Более того, в советские времена к этому относились очень спокойно, но, представьте себе, если бы после войны не была ликвидирована (изменен статус) Карело-Финской ССР (была такая республика), то мы бы имели не один анклав, ну, «полуанклав» — Калининград, мы имели бы два — еще и Мурманск. Да вот как-то так! Так что, на самом деле — это огромная проблема! Кстати, еще одна маленькая заметка. Флаги, которые были над Кремлем (последний флаг СССР, первый флаг Российской Федерации). В то время, в общем-то, таким вопросом не очень заморачивались, поэтому они были спрятаны в сейф. С 1994-го там же, в сейфе, лежал первый штандарт президента, который поднимался над Кремлем. Сейчас вы их можете увидеть! Прошло 30 лет. Как-то начальство, наконец, решило, что уже можно. Сейчас, 53-й павильонВДНХ (в шаговой доступности отсюда), вот там можно увидеть подлинный последний советский флаг, первый российский, штандарт. Все флаги подписаны с датой снятия, подъема. Подписаны комендантом Кремля — тогда генерал-лейтенантом Барсуковым. Сейчас он генерал армии. Спасибо!

О. Г. Малышева: Спасибо большое! Да, пожалуйста, вопросы из зала.

Степан Александрович Асташенков: (бакалавр института гуманитарных Московского городского педагогического университета): Здравствуйте! Хочу приветствовать всех участников чтений и задать вопрос Сергею Викторовичу.

На съезде Коммунистической партии 1990 г. профессор Михаил Васильевич Попов говорил о том, что течение событий ведет неизбежно к контрреволюции. А как оцениваются события 1991 г. с точки зрения современной российской исторической науки. Спасибо!

С. В. Девятков: Но если брать классические понятийные аппараты. Именно классический, не тот, который существует в публицистике, то, конечно же, к власти пришли правые, произошел контрреволюционный переворот в стране. К власти пришла

предыдущая социально-экономическая формация. Другой вопрос, что на сегодняшний день термин «общественно-политическая экономическая формация» активно оспаривается, потому что говорится о иных укладах, говорится об информационном обществе, о котором говорил господин Орлов, а это достаточно сложная вещь; более того, даже с точки зрения социальной здесь невозможно точно сформулировать, к сожалению, потому что, помимо канонических классов, которые у нас существовали в марксистскую эпоху, сейчас очень активно продвигается идея о том, что это не класс, это страты, которые имеют иные позиции. В любом случае, то, что произошло революционное изменение — это несомненно! Поменялось отношение к собственности, поменялась социальная структура или социальные страты. Кстати, очень любопытная книга по этому поводу есть у Симона Кордонского, это профессор Высшей школы экономики. Он очень плотно этим занимался, еще когда работал в Администрации Президента. И надо сказать, что ученый он от Бога. Так я рекомендую посмотреть его книгу по этому поводу.

О. Г. Малышева: Спасибо большое! Да, пожалуйста, Ярослав Викторович.

Я. В. Леонтьев: Сергей Викторович, тогда будьте добры развить свои мысли. Если события 1991 г. и, наверное, по нарастающей с 1989 г. и раньше, действительно можно оценивать как революционные преобразование, как пик революционный, то можно ли в таком случае события осени 1993 г. оценивать, как термидор, а дальнейшие события как брюмер.

С. В. Девятков: Ну, во-первых, 1991 г. — все-таки контрреволюция. На самом деле, говорить о ситуации сейчас еще очень сложно, в первую очередь по одной причине. Дело в том, что на сегодняшний день мы находимся еще на фазе развития нового общества. Сразу могу сказать, с моей точки зрения, общества такого вот устойчивого на сегодняшний день еще не сложилось в Российской Федерации. Это еще этап строительства общества. Понятны основные принципы, цели, задачи, но дело в том, что в стройную систему это еще не вылилось. Эта работа идет, и она идет активно. Ну, а период 1991–1993 гг. — это, с моей точки зрения, акты гражданской войны на нашей территории. Мы просто не знаем на сегодняшний день количество ее жертв. Если по Москве — это относительно небольшие цифры. Я не беру союзные республики, но даже то, что происходило на Северном Кавказе — это вещи достаточно неоднозначные, все признаки гражданской войны они в себе несут.

О. Г. Малышева: Спасибо большое. Уважаемые коллеги! Свое видение той проблемы, с которой Россия столкнулась в двадцатом столетии, мы попросим изложить доктора исторических наук, профессора, доцента кафедры истории государственного и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Ярослава Викторовича Леонтьева.

Я. В. Леонтьев: Спасибо! В России на протяжении XX в. и начала XXI в. пытались осуществлять два западных проекта: марксистский проект (хотя и, безусловно, с очень национальной спецификой, по крайней мере в большевистском варианте) и либеральный, тоже не обделенный почвенной составляющей, привнесенный

земцами. Сейчас объявлено, что западнический проект закрыт в целом. Что можно предложить взамен? Проект консервативной модернизации, опирающейся на знаменитую трехчленную формулу — триаду: православие, самодержавие, народность? Мы знаем, что дважды этот проект показывал свое несостоятельность. В середине XIX века (1850-е гг.) и к началу XX века, о чем мы и говорим сейчас, на этом круглом столе. Что остается в запасе? У нас, похоже, остается не так уж много вариантов. Может быть, стоит вспомнить народнический проект, о котором я собираюсь говорить. Вижу, что Кирилл Андреевич не вполне согласен, что закрыты либеральные проекты. Ну, либерально-народнический возможен. Здесь важно договариваться о понятийном аппарате и толковании смыслов. Действительно, тогда надо ставить вопрос: что такое народничество? Можно, ведь, даже ставить вопрос и о православном народничестве, как его поставила Надежда Винюкова в относительно недавно защищенной диссертации в нашем совете в МГУ об общественной и церковной деятельности о. Иосифа Фуделя. Нужно заново разбираться с историографической терминологией. Кстати, я не согласен с определением «неонародники» применительно к эсерам, хотя у нас, в нашем недавнем трехтомнике «Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.» он всюду используется.

Заодно с вашего позволения, коллеги, представлю две совершенно свежие книги. Эта вышла в самом конце прошлого года — трехтомник «Политические партии России» — наиболее свежее слово на сегодняшний день по заявленным проблемам. К. А. Соловьев является автором второго тома, посвященного либеральным партиям. Ваш покорный слуга участвовал в третьем томе. Он посвящен левым партиям и левым движениям. И здесь в оглавлении есть понятие «неонародничество»: часть I третьего тома озаглавлена: «Неонародники и анархисты». Я не вполне с этим согласен. Если порассуждать, собственно говоря, и эсеры, которые считались классическим продолжателями, конечно, революционно-социалистического народничества, все-таки, сами себя именовали левонародниками, а не неонародниками. Но, с другой стороны, куда тогда девать народных социалистов или другие родственные течения? Ну, в общем, это спорный, дискуссионный вопрос, стоит ли пользоваться этим понятием «неонародничество».

Вернусь к основной идеологической линии, прежде всего классического социалистического народничества. Это линия Герцен — Чернышевский — Лавров — Михайловский, плюс Виктор Чернов, как их продолжатель, внесший, наверное, наиболее глубокий вклад в теоретические разработки эсеров. Именно на Гусевских чтениях, стоит об этом, потому что Кирилл Владимирович Гусев в последний период своего творчества обратился как раз к наследию Виктора Чернова, выпустив в издательстве РОССПЭН монографию «В. М. Чернов: Штрихи к политическому портрету» (1999). Двумя годами раньше в том же издательстве была впервые напечатана на родине работа Чернова «Конструктивный социализм» — известная книга, которая подводила итоги поискам Чернова как теоретика и осмыслению произошедшей революции и путей исправления ее ошибок.

Наверное, советские историки пытались называть эсеров неонародниками для того, чтобы их отделять от классического революционного народничества, но сейчас все-таки это определение, на мой взгляд, сходит на нет. Нередко эсеров воспринимают как носителей идей аграрного или общинного социализма, начертавших на своих знаменах старый народнический лозунг «Земля и Воля», но это тоже несколько упрощенный

взгляд. Куда более правильно было бы назвать их приверженцами интегрального социализма, которые, не отметая ни Маркса, ни Бакунина, проповедовали субъективную социологию, определяющую роль личности в истории. Конечно, они уже учитывали и пользовались достижениями марксизма, особенно в таком его Бернштейнском варианте, использовали и новейшие идеи революционного синдикализма.

Это, конечно же, был синтез прежних идей русского социализма с новыми концепциями. Это и есть интегральный социализм. «Моя философия — интегрализм», — скажет Питирим Сорокин, в прошлом весьма активный эсер, вошедший в историю социологической мысли как создатель интегрального направления в современной социологии, теории социальной стратификации и социальной мобильности.

Хочу остановиться на причинах поражения народнических партий в 1917–1921 гг. Конечно, это очень сложный вопрос. Впрочем, один ответ лежит на поверхности. Левые народники — социалисты-революционеры, эсеры-максималисты, левые эсеры, эсеры-синдикалисты не сами ушли с исторической сцены, а их «ушли», лишив их сначала голоса, а потом и жизни. Эксперимент провести, конечно, нельзя, поэтому окончательно однозначного ответа никогда не будет. Но, скорее всего, это было вызвано целым комплексом причин, а не какой-то одной. Давайте пойдем по порядку. Во-первых, эсеры к 1917 г. потеряли все свои лучшие, наверное, кадры. И, прежде всего, потеряли в терроре, в революции 1905 г., на каторге. Не было у них и харизматических вождей, подобных Ленину. Лидеры, конечно, были. Но великолепный теоретик, эрудит Виктор Михайлович Чернов все-таки на роль харизматического вождя не годился, а Борис Викторович Савинков уже очень сильно сместился вправо. Да и вообще он, собственно говоря, не был классическим эсером никогда, сам себя называл «народоволом» (Вера Фигнер об этом пишет в воспоминаниях).

Недавно, коллеги, вышла любопытная книга Константина Морозова — первая научная биография Бориса Савинкова. У нее такой подзаголовок: «Опыт научной биографии». Кстати, Константин Николаевич, кажется, первым применил определение «коллективного лидера» применительно к руководству эсеров. То есть это была партия не вождистского типа. Я с ним абсолютно согласен и применил эту категорию коллективного лидера по отношению к левым эсерам, которыми много лет занимаюсь.

У левых эсеров ситуация была не лучше. Нет, конечно, определенная харизма у некоторых лидеров была, безусловно. Например, у Марии Спиридоновой, которую такой летописец революции, как Джон Рид, называл самой популярной женщиной в России. Да и у некоторых других подобный ореол был, но они все же не дотягивали ни до политического опыта, ни до уровня Ленина. Не было единой революционной воли, политической воли. Поэтому в 1917 г. и существовали среди эсеров течения, которые тянули партию в разные стороны. Можно было бы избежать раскола? В принципе, можно. Даже Спиридонова, попавшая после сибирской каторги на третий съезд партии эсеров в Москве в Народном университете Шанявского, где РГГУ сейчас расположен, призывала к единству партии при наличии разных фракций. Тогда еще левое крыло думало «изменить» ситуацию в свою пользу, в пользу революционного социализма на следующем съезде, который осенью должен был состояться. И когда начались переговоры в Викжеле, скажем, когда эсеры выиграли выборы в Учредительное собрание, безусловно, в теории, опять же при определенном раскладе каких-то фишек, какого-то пасьянса, мог бы быть осуществлен

договор между правыми большевиками в лице Рыкова, Ногина (председателя Моссовета) и др., меньшевиками во главе с Мартовым и разными течениями социалистов-революционеров, то эсеры могли бы теоретически сохранить единство. В таком случае, придя в виде самой крупной фракции в Учредительное собрание, став, по сути, правящей партией, эсеры сыграли бы ключевую роль в создании однородного социалистического правительства.

То есть шанс сохранить единство партии, безусловно, был. Но по многим причинам, о которых не сейчас и не здесь, к сожалению, реализовать его не удалось. Эсеров иногда, знаете, как-то принято (стереотипное такое восприятие) в лаптях изображать, в поддевках крестьянских.

Ну, вот смотрите. В своем послесловии ко второй книге я просто немного порасуждал... Заодно представлю вам ее. Она вышла в прошлом году в издательстве АСТ в редакции Елены Шубиной. Книга называется «Холодная весна. Годы изгнаний: 1907–1921». Это воспоминания приемной дочери Виктора Чернова Ольги Викторовны Андреевой-Черновой (она была замужем за сыном Леонида Андреевым). Я являлся научным редактором. В этом ярком мемуарном тексте представлена и история гонений на эсеров, как даже детей брали в заложники. Я процитирую несколько примеров, насколько мы недооцениваем потенциал эсеров, например, в плане последующей модернизации. Так, именно эсеры в этот момент были на самых высочайших позициях в мире в области химии. Академик Алексей Бах, имя которого до сих пор носит соответствующий институт РАН, он основоположник в России и СССР биохимии. Знаменитый самородок Иван Башилов. В 1917 году — он член Петросовета, активный, эсер, который, не имея высшего образования, не успев закончить университет, организовал работу экспериментального радиозавода, который затем и возглавил. В течение ряда лет руководил лабораторией редких элементов в Институте прикладной минералогии (будущего Всесоюзного НИИ минерального сырья), был научным руководителем Гиретмета — Государственного проектного института редкометаллической промышленности и, собственно говоря, ему была присуждена на основе его трудов, человека без высшего образования, степень доктора технических наук. Он разработал технологию щелочения радия, урана и ванадия, позднее — новые технологии аффинажа, высшую очистку платины, то есть внес неопределимый вклад в атомные проекты вообще в СССР. Потом, к сожалению, он оказался в заключении, поэтому его имя подзабыто, хотя он лично переписывался со Сталиным. В этом же ряду выдающийся почвовед-геолог, ученик Вернадского, Ростислав Ильин, который был одним из руководителей московских подпольных эсеров, возглавлял Московский комитет эсеров в начале 20-х годов в период Гражданской войны, был основателем томской нефти, гидрогеолог, геоморфолог, палеограф, внес заметный вклад в развитие почвоведения. Его называли рыцарем науки. Научное наследие Ильина включает почти 150 публикаций и рукописей, но главный труд его жизни — «Происхождение лессов», увидел свет лишь в 1978 г., спустя сорок лет после его расстрела в томской тюрьме.

То есть я советую просто задуматься и продолжить изучение персоналий. И тогда мы поймем гораздо больше о потенциале эсеровской народнической альтернативы. Кирилл Андреевич здесь высказался относительно литературных кружков — очень интересная тема. Но здесь можно вообще бесконечные лекции читать: эсеры и литература или те же журналы... И не только эсеры — народническое «Русское богатство»,

журнал «Заветы», альманах «Скифы» — знаменитый сборник с участием Есенина, Блока, Клюева, Андрея Белого, всеми звездами Серебряного века.

Ну и в заключение я хотел бы сказать, что можно взять у народников, какие их идеи могут быть актуальными в XXI веке. Прежде всего, конечно, некоторые методологические подходы. Уже говорилось об интегральной социологии Питерима Сорокина. Сорокинский проект никогда не закрывался. Все социологи, конечно, с высочайшим эпитетом относятся к Питериму Александровичу, вся мировая социология. Он вырос как раз из русской народнической школы. Из школы Лаврова, Михайловского, Ковалевского, мы все это прекрасно знаем. Его друг Николай Дмитриевич Кондратьев, с которым они вместе начинали, с которым вместе в Кинешемскую тюрьму попали, вместе эсеровский кружок создавали, потом вместе продолжали деятельность в партии, вместе секретарями Керенского были в 1917 г., создал теорию длинных экономических циклов.

В плане методологии нельзя пройти мимо народнического анализа русского капитализма, который тесно сращен с самодержавным государством и без него нежизнеспособен. «Самодержавие и капитализм, бюрократия и буржуазия — две головы хищного двуглавого орла» — слова Николая Константиновича Михайловского. Идея социалистических преобразований — дело не одного промышленного пролетариата, а равного союза разных трудовых групп. Всегда эсеры говорили об этой триаде: промышленный пролетариат, трудовое крестьянство и трудовая интеллигенция, составляющие эсеровский трудовой народ.

Сейчас крестьяне, понятно, микроскопическая величина, но зато появились и появляются новые трудовые группы — самозанятые. Очень интересная для сегодняшнего времени идея. В дальнейшем необходимо последовательно строить логическое изучение самозанятых и их дальнейшей интеграции. Трудовые мигранты, заменившие собой крестьян-отходников начала XX в., представлены везде и всюду. Это очень интересное явление, в каком-то смысле сохраняющее общину. Мы русские утратили понятие общинности, на которую эсеры тоже опирались. А у наших трудовых мигрантов из ближнего зарубежья оно не утрачено.

Представляет интерес критика Михайловским разделения труда, превращения человека в винтик машины, производящий прибыль, противопоставление Михайловским национального богатства и народного благосостояния, противопоставление им же борьбы за существование и борьбы за индивидуальность. Очень интересен у эсеров подход к решению национального вопроса — вопросы проблемы поиска идентичности. Согласно эсеровской концепции, личность сама вправе определять свою идентичность, независимо от национальности.

Последний тезис все-таки, на котором я не могу не остановиться, конечно, вопросы этики, которые, в отличие от марксистов, всегда доминировали у эсеров. Если вообще возникнет теория нового социализма, то социализм должен быть только этическим, никакими другим. Все другие социализмы уже были, мы их видели. И вот здесь работы и Лаврова «Социальная революция и этика», и Кропоткина, конечно, который вышел из этой же народнической среды, с его идеями взаимопомощи и солидарности... «Этика», над которой Петр Алексеевич работал в последние годы жизни, является кульминацией его творческого наследия. Этический социализм народников, полагаю, будет востребован.

Спасибо за внимание.

О. Г. Малышева: Спасибо большое! Уважаемые коллеги, я хотела бы поблагодарить от имени всех присутствующих наших уважаемых докладчиков, людей, которые нашли возможность прийти на Гусевские чтения и поделиться мыслями, озвучить вопросы, которые действительно интересуют и волнуют, многие из них (как мы сегодня успели убедиться) ждут ответа и продолжения изучения.